

и Бер. Москва, 1976, 27 апр

НАРОДНАЯ ПРИТЧА

ЛИТОВСКИЙ драматург Казис Саа хорошо известен в театрах прибалтийских республик. Но для Москвы он дебютант.

Его пьесу «Клеменс» поставила в Театре сатиры режиссер М. Микаэлян. Сошлись два «сказочника»: автор, написавший драму в жанре народной комедии-сказки, и постановщица, известная своей работой над инсценировками сказочных произведений шведской писательницы Астрид Линдгрен, иронических сказок Евгения Шварца.

В сказке всегда должна быть простая и ясная мораль, разумеется, если это по-настоящему хорошая сказка. Сказка-притча об обитателях деревни Десятибедовки и могучем племенном быке Клеменсе принадлежит именно к такому роду произведений.

Не подумайте, однако, что речь идет в пьесе и в спектакле о добром быке, столкнувшемся со злыми людьми. Все совсем наоборот: бык Клеменс — нехорошее, злое животное. Что же касается людей, то именно они в самом начале добры и бескорыстны, живут хоть и бедно, но по совести, следуя естественным нормам морали. Но под влиянием быка крестьяне как-то непрямото, а затем и все более явно начинают «оскотиниваться», забывают, как дорога и важна для каждого человека чистая, не запятнанная ничем совесть.

Спектакль привлекает не

столько яркостью отдельных актерских удач, хотя интересные исполнительские работы в нем есть, сколько общей атмосферой действия, его лирической тональностью, соединением юмора и грусти.

Племенной бык Клеменс, привезенный чужеземным купцом, истинная скотина — его в высокомерной, буффонной манере весело и зло изображает В. Кумаритов, — сумел в короткий срок резко поднять достаток деревенских жителей, подорвав в то же время их моральные устои. Ирония и сатира, лирика и патетика привлечены режиссером, чтобы показать, как сначала дуреют герои пьесы под влиянием нахлынувшего материального благополучия, как затем постепенно приходит к ним отречение.

«Клеменс» в постановке М. Микаэляна — музыкальный спектакль, каких все более появляется за последнее время на сценах наших драматических театров. Сами по себе написанные композитором Э. Денисовым музыкальные эпизоды приятны, хорошо передают национальный колорит литовских народных песен и танцев. Но наводит «Клеменс» и на такую мысль: не чрезмерно ли подчас увлечение музыкой в сов-

ременном драматическом театре? Не превращается ли это в самоцель? Не делается ли это за счет текста, которого становится соответственно и неоправданно все меньше и меньше в представлениях данного жанра?

Мы узнаем яркие творческие индивидуальности актеров театра и вместе с тем с любопытством замечаем, как они пытаются открыть в себе новые возможности и черты. Лиричнейшая, изящнейшая В. Васильева создает неожиданно острохарактерный образ Бабы-одноглазки, отталкивающей своей уродливостью. Вот только душа у этой обтрепанной бабы нежная и красивая. Лиризм дарования В. Васильевой так или иначе дает о себе знать.

Лирические, драматические черты настойчиво открывает А. Левинский в роли музыканта Скалнаса по прозвищу Должник. Волосы, упрямо нависающие на лоб, пристальный, исподлобья взгляд на окружающих, не по годам согнутая, будто вопросительный знак, спина — какой-то извечно волнующий, скорбный вопрос заключен в образе, выведенном актером. В нем — неуклонно зреющий протест и твердая воля сопротивления любым напущениям на его совесть.

А рядом с этими двумя персонажами — еще один сильный народный характер: самая красивая девушка в деревне, которая не боится никого и ничего, Дануте — Н. Корниенко, вольная, смелая, способная полюбить навек и не изменить, несмотря ни на что, своему чувству. В ясной и точной манере народного лубка играют также Н. Пеньков старосту Даунораса и Ю. Авшаров смолокура Алялюмаса.

Актеры ищут свои новые качества, но порой и привычно эксплуатируют те особенности таланта, которые хорошо известны зрителям. Конечно же, А. Ширвиндт в двух ролях — сначала Рыжебородого чужеземного купца, а затем Высокой шапки, большого начальника, — ироничен, обаятелен и хорош собой, как всегда. Вместе с тем он настойчиво «подтягивает» сказку Казиса Саа к сказкам Евгения Шварца, в которых уже выступал. Невольно новые персонажи Ширвиндта воспринимаются, как скольки с его же собственных ранних созданий, но как любые копии — грубее оригиналов.

Несомненно, к удачам спектакля принадлежит работа художника А. Бойма. Точно отобранные детали

оформления хорошо передают народный дух сказки, заданные драматургом условия театральной игры.

Вот только поговаривать стали с недавних пор, что в Театре сатиры зрители не всегда много и дружно смеются на классических и современных постановках. Надо бы, мол, смеяться громче и веселее. Думается, что к лучшим работам коллектива это не относится ни в какой степени. На спектакле гениальной сатирической комедии Гоголя «Ревизор», например, зрители, смеются предостаточно, и смех этот, злой и умный, неизменно возникает по существу.

Ну, а «Клеменс»? И на этом лирико-музыкальном представлении взрывы смеха нет-нет да и вспыхивают в зале. Но смеются чаще над забавными ситуациями, над грубоватыми шутками. Реже смех рождает острота глубокого и смелого постижения жизни и человеческих характеров.

Так что коллективу, в самом деле, стоит еще раз подумать о своих «смеховых» делах, проявляя предельную требовательность к содержанию и форме каждой новой постановки.

А. ОБРАЗЦОВА.